

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЕР ПЁТЧ

Доѡ Палаца
и Вегбмак

МОСКВА

2016

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
ПЗ1

Oliver Pötzsch
DER HEXER UND DIE HENKERSTOCHTER

Copyright © by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.
Published in 2012 by Ullstein Taschenbuch Verlag

Оформление серии А. Саукова

Иллюстрация на переплете В. Аникина

Пётч, Оливер.

ПЗ1 Дочь палача и ведьмак / Оливер Пётч ;
[пер. с нем. Р. Н. Прокурова]. – Москва : Из-
дательство «Э», 2016. – 576 с. – (Новый шедевр
европейского детектива).

ISBN 978-5-699-90640-6

Якоб Куизль – грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

Летом 1666 года Магдалена, дочь палача из Шонгау, и ее муж Симон Фронвизер прибыли в знаменитый баварский монастырь Андекса – возблагодарить Господа за чудесное исцеление своих маленьких детей. В это же время в монастыре одно за другим начались странные убийства. Настолько странные, что монахи принялись шептаться: в округе завелся ведьмак! Все улики неопровержимо указали на брата Йоханнеса, аптекаря монастыря. Его схватили и передали в руки местного палача, который под пытками должен вырвать признание у несчастного. Случайно узнав, что в монастыре находится дочь Куизля, Йоханнес передал ей свою просьбу – во чтобы то ни стало известить шонгауского палача, его старого друга. Уж тот-то обязательно спасет невинного – и жестоко покарает настоящего ведьмака...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

- © Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2013
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90640-6

*Посвящается
Мариану, Вольфгангу, Мартину,
Виту, Мики и всем остальным*

Лицо скрыто под капюшоном,
и меч занесен для удара...

ШТАДТАМХОФ

Регенсбург в XVII веке

Нижний Вёрд

Каменный мост

Дунай

Трактир «У Кита»

Георгенплац

Сводчатая улица

Епископский двор

Сад при соборе

Соборная ул.

Соборная площадь

Собор Св. Петра

Новоприходская площадь

Убежища нищих

Ул. Черных Медведей

Ул. Трех Венцов

Старый хлебный рынок

Старая часовня

Дом палача

Водочный двор

Городская стена

Ул. Красавицкинов

Ул. Веселых Турок

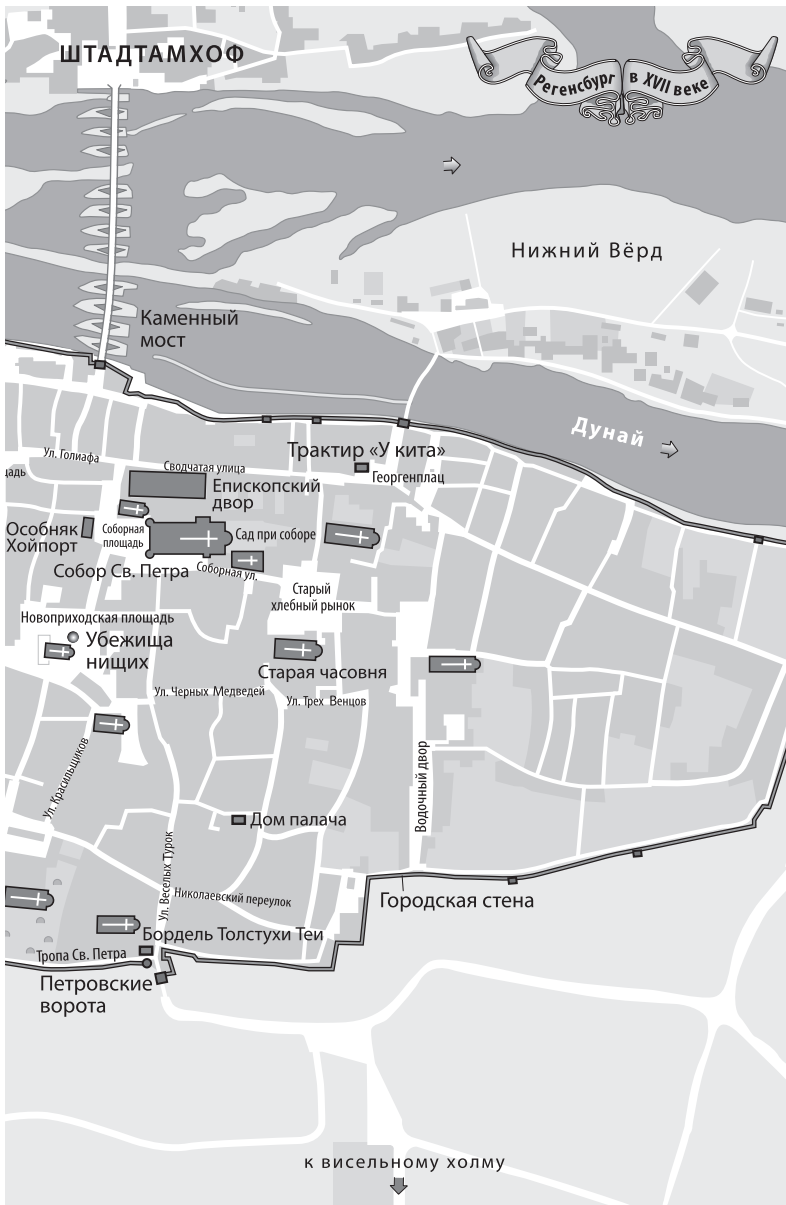
Николаевский переулок

Бордель Толстухи Теи

Тропа Св. Петра

Петровские ворота

к висельному холму

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Паломники из Шонгау:

Магдалена Фронвизер (урожденная Куизль) – дочь палача
Симон Фронвизер – цирюльник Шонгау
Карл Земер – первый бургомистр Шонгау
Себастьян Земер – сын первого бургомистра
Якоб Шреефогль – гончар и член городского совета
Бальтазар Гемерле – плотник из Альтенштадта
Конрад Вебер – городской священник
Андре Лош, Лукас Мюллер, Ганс и Йозеф
Тванглер – подмастерья каменщика

Прочие жители Шонгау:

Якоб Куизль – палач Шонгау
Анна-Мария Куизль – жена палача
Георг и Барбара – близнецы, дети Куизля
Петер и Пауль – дети Симона и Магдалены Фрон-
визер
Марта Штехлин – знахарка
Братья Бертхольды: Ганс, Йозеф и Бенедикт
Иоганн Лехнер – судебный секретарь

Монастырь Андекса:

Маурус Рамбек – настоятель монастыря
Брат Иеремия – приор
Брат Экхарт – келарь
Брат Лаврентий – наставник послушников
Брат Бенедикт – кантор и библиотекарь
Брат Виргилиус – часовщик
Виталис – послушник и подручный часовщика
Брат Йоханнес – аптекарь
Келестин – послушник и подручный аптекаря

А также:

Михаэль Грец – живоде́р из Эрлинга
Маттиас – подмастерье живоде́ра
Граф Леопольд фон Вартенберг – посланник
Виттельсбахов
Граф фон Чезана и Колле – земельный судья
Вайльхайма
Мастер Ганс – палач из Вайльхайма

ПРОЛОГ

*Эрлинг близ Андекса,
вечер 12 июня 1666 года
от Рождества Христова*

Небо затягивали темные тучи, и послушник Келестин, смачно выругавшись, зашагал навстречу собственной смерти.

На востоке, по ту сторону озера Аммерзее, громадным чудищем вихрились черные клубы, сверкали первые молнии и доносились отдаленные раскаты грома. Келестин прищурился и над монастырем Дисена в пяти милях сумел уже разглядеть серую дождевую завесу. Пройдет всего несколько минут, и непогода разразится над Святой горой; и в это именно время послушнику предстояло выловить из монастырского пруда карпа на ужин для жирного аптекаря. Келестин выругался в очередной раз и натянул на лицо капюшон черной рясы. Что ему оставалось делать? Послушание было одним из трех обетов монахов-бенедиктинцев, а брат Йоханнес являлся его наставником. Временами вспыльчивый, зачастую загадочный, а главное, прозорливый монах — но, несмотря на все это, его наставник.

*Porca miseria!*¹

¹ Черт возьми! (*ит.*)

Как это часто бывало, в плохом настроении Келестин переходил на язык своих родителей. Он вырос в итальянской горной деревушке по ту сторону Альп, но безумия войны сделали его отца солдатом, а маму — маркитанткой и шлюхой. Здесь, в монастыре на Святой горе, Келестин нашел приют при монастырской аптеке, и хотя бесконечные литании и ночные молитвы временами выводили его из себя, он чувствовал себя в безопасности. Он ел досыта три раза в день, спал в тепле и комфорте, а андексское пиво считалось одним из лучших во всем баварском княжестве. В эти трудные времена могло быть гораздо хуже. И все же тощий, низкого роста послушник ругался себе под нос; и дело было не только в том, что в скором времени он станет мокрым, точно карпы в пруду Эрлинга.

Келестин боялся.

С тех пор как три дня назад он сделал это открытие, страх терзал его, словно мелкое злобное существо. Вид был столь ужасающим, что кровь стыла в жилах. Он до сих пор преследовал его в кошмарах, и послушник просыпался с криком и залитый потом. Подобное кощунство Господь не оставит безнаказанным, это уж точно. Темные тучи и молнии казались Келестину предвестниками ветхозаветного возмездия, которое в скором времени постигнет монастырь.

Но еще ужаснее был исполненный ненависти взгляд того человека. Он узнал Келестина, пока тот не убежал сломя голову — по крайней мере, послушник так думал. Взгляды застигнутого врасплох говорили больше тысячи слов. В последние дни они ощупывали его, точно проверяли, проболтается Келестин или нет.

Келестин знал, что у этого человека имелись могущественные заступники. Поверят ли ему, простому послушнику? Обвинение было столь ужасным, что его

запросто могли счесть сумасшедшим. Или, что еще хуже, он прослыл бы клеветником, и тогда приятной жизни с мясом, пивом и теплой сухой постелью, вероятно, настал бы конец.

И несмотря на это, Келестин решил говорить. Завтра же он обратится к совету, и совесть его наконец-то очистится.

Громовой раскат разорвал тишину, и озябший послушник почувствовал на лице первые капли дождя. Он подтянул капюшон и прибавил шагу. В скором времени последние дома Эрлинга остались за спиной, и впереди раскинулись поля и пастбища. За небольшим перелеском, окруженный оградой и кустарником, располагался пруд с карпами. Обернувшись, Келестин взглянул на монастырь, что стоял на горе, окруженный темными тучами, — его дом, который придется, наверное, вскоре покинуть. Вздохнув, он прошаркал оставшиеся до пруда метры, словно шел на собственную казнь.

Дождь между тем усиливался, и поверхность воды бурлила, точно ядовитый отвар. Келестин взглянул на серых разжиревших карпов, что десятками плавали в пруду. Они разевали голодные рты и глотали дождевые капли, словно манна небесная проливалась из туч. Келестин с отвращением поморщился: он никогда не питал любви к карпам. Это тупые и склизкие падальщики, а мясо у них отдавало мхом и гнилью. Рыбы эти напоминали ему чудовищ, каких он знал по библейской Книге пророка Ионы. Омерзительные существа, которые поедали все, что бы ни плескалось в воде.

Келестин осторожно шагнул на узкий и скользкий мостик и взялся за сачок, прислоненный к перилам. Спрятав под капюшоном лицо от дождя и безжалостного ветра, послушник неохотно принялся ворочать

сачком в воде. Если поторопиться, то, быть может, он успеет добраться до аптеки прежде, чем штаны и носки под плотным черным плащом промокнут насквозь. В иной жизни Келестин, наверное, отхлестал бы брата Йоханнеса карпом по жирным щекам — но он обречен был на молитвы и послушание. Вот цена, которую приходилось платить за сытую жизнь.

За спиной что-то скрипнуло; гроза почти заглушила звук, но Келестин замер: кто-то шагнул на мостик. Однако не успел послушник оглянуться, как что-то затрепыхалось в сачке. Он облегченно вздохнул и начал подтягивать к себе длинную жердь, бормоча:

— Попался... Посмотрим, что за жирдяй...

В это мгновение что-то тяжелое ударило его по затылку.

Келестин покачнулся, отступил на шаг, затем ноги его разъехались на скользких от дождя досках, и он, вместе с сачком рухнув в конце концов в бурлящую воду, принялся бешено барахтаться, чтобы спасти собственную жизнь. Как многие люди его времени, он умел разделять зайцев, по запаху мог определить сотни трав и повторить наизусть длиннейшие выдержки из Библии. Вот только одного не умел Келестин — плавать.

Юный послушник кричал и бился, загребал руками и дрыгал тощими ногами, но собственный вес неумолимо тянул его в глубину. Внезапно Келестин почувствовал илистое дно под ногами, оттолкнулся и, хватая воздух ртом, вынырнул из воды. Он принялся отчаянно хватать руками вокруг себя и вдруг ухватился за рукоятку сачка, плававшего на поверхности. Перехватил ее покрепче и подтянулся. За плотной дождевой завесой он разглядел на мостике закутанного в плащ человека, который держал второй конец сачка.

— Спасибо! — просипел послушник. — Ты мне жизнь...

В этот миг незнакомец надавил на сачок, так что Келестин погрузился под воду. Когда он снова вынырнул на поверхность, то почувствовал, как его опять с силой давит вниз.

— Но... — начал послушник.

Тут мутная вода заполнила его рот и заглушила последний отчаянный крик. Келестин безмолвно погрузился под воду.

В то время как жизнь искристыми пузырями покидала его тело, послушник чувствовал, как жирные карпы терлись скользкими боками о его щеки и копошились в коротких волосах вокруг тонзуры. Когда умирающий юноша наконец опустился на дно, рот его был распахнут, как у рыбин вокруг, что неподвижными и бесстрастными глазами тарасились на утопленника.

Человек на мостике какое-то время наблюдал еще за бурлящими пузырями. Наконец он удовлетворенно кивнул, поставил сачок на место и зашагал прочь.

Следовало закончить начатое.

1

*В это же время в лесу
у подножия Святой горы*

Молния прорезала небо, точно перст разгневанного божества.

Она ударила прямо над Аммерзее, отчего пенистые зеленые волны вспыхнули на долю секунды ядовитым сиянием. С раздавшимся затем громом плотной стеной хлынул ливень, и одежда двадцати с лишним паломников из Шонгау в считанные мгновения промокла насквозь. И хотя время близилось лишь к семи вечера, на путников словно опустилась ночь. Симон Фронвицер покрепче сжал руку жены, и вместе с остальными они двинулись вверх по крутому склону, к монастырю Андекса.

— Нам еще повезло! — перекричала Магдалена рев непогоды. — Часом раньше, и буря застала бы нас на озере!

Симон молча кивнул. Лодка с паломниками пошла бы ко дну в волнах Аммерзее далеко не в первый раз. Теперь, по прошествии почти двадцати лет после Большой войны, паломники тянулись к знаменитому баварскому монастырю в таких количествах, каких никто даже припомнить не мог. В это время, раздираемые голодом, непогодой, волчьими стаями и маро-